

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ, И ТЬМА ЕГО НЕ ОБЪЯЛА.
(ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА ГЛ. 1, СТИХ 5.)

№ 29
СЕНТЯБРЬ 2011 Г.

СВЕТ

Православная газета Прихода церкви великомученика и целителя
Пантелеимона пос. Кузедеево
Издаётся по благословению Преосвященнейшего Аристарха,
епископа Кемеровского и Новокузнецкого

ПРАВОСЛАВИЯ

В номере:

- ♦ С Днем Шахтера! с.1
- ✦
- ♦ Образование и
♦ духовность с. 2
- ✦
- ♦ Учитель не может
♦ уйти с.3
- ✦
- ♦ Помощь в учебе с.4
- ✦
- ♦ Антицерковные
настроения с.5
- ✦
- ♦ Вера Церкви с.6
- ✦
- ♦ История
Православной
Церкви с.7
- ✦
- ♦ Притчи с.8

Святейший Патриарх Кирилл поздравил кузбассовцев с Днем Шахтера

В адрес епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха и губернатора Кемеровской области Амана Гумировича Тулеева поступило письмо с поздравлениями от управляющего делами Московской Патриархии митрополита Саранского и Мордовского Варсонофия.

В письме говорится: «От имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла поздравляю Вас, а также тружеников угольной и горнодобывающей отрасли и всех жителей региона с главным гражданским праздником Кузбасса – Днем Шахтера и с Днем памяти Собора Кемеровских святых.

В этот день, вспоминая подвижников веры и благочестия, пострадавших в лагерях Сиблага, мы также молимся о тех, кто, рискуя своим здоровьем и жизнью, несет свет и тепло в наши дома, кто не понаслышке знает о тяготах шахтерского труда.

Уважаемые кузбассовцы! Молитвенно желаю Вам крепости веры, стойкости духа, благополучия Вашим семьям, помощи Божией в трудах на благо нашего Отечества и богоспасаемого Кузбасса. Спаси и сохрани вас всех Господь».

<http://kneparhia.ru/content/view/4778/>

"Образование и духовность"

Осипов А. И., проф. МДА

Если обобщить, то историю образования в России можно разделить на два довольно обширных периода: первый, начавшись после Крещения Руси, продолжался до XVI века; второй - с XVI столетия и вплоть до настоящего времени. Рассмотрение этих периодов имеет для нас не только значение простого ознакомления с тем, что когда-то было и прошло, но и очень четко обозначает два совершенно различных подхода к проблеме образования в целом, два различных принципа его постановки.

Чем характеризуется древнерусское образование? Если смотреть даже только с внешней стороны, то становится очевидным, что оно было совсем иного рода, нежели современное. В древности на Руси не было специальных учебных заведений, не было учебных программ и дисциплин. Образование давалось в совершенно иных условиях, строилось на иных началах и иными средствами. Центрами образования и в этом смысле центрами культуры являлись в первую очередь монастыри и храмы, также немалую роль играли в этом отношении великокняжеские и княжеские дома, где содержались крупные по тем временам библиотеки.

Существо же и цель древнерусского образования можно определить, исходя из этимологии самого этого слова "образование", корнем которого является слово "образ". Для сознания наших предков, по-видимому, не было вопроса: о чем идет речь, какой именно "образ" имеется в виду. Приняв христианство, т. е. увидев и пережив всю его духовную красоту и усвоив его нравственные ценности, самосознание нашего народа стало руководствоваться им во всех областях жизни. Альфой и омегой всей древнерусской культуры стала заповедь Спасителя: "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его" (Мф. 6. 33). Поэтому и цель образования носила исключительно религиозный характер, виделась она в первую очередь в восстановлении в человеке утраченного в грехопадении образа Божия. Задача образования, таким образом, по своему существу полностью совпала с задачей Церкви, которая в одном из своих песнопений - в тропаре предпразднства Рождества Христова - очень ярко эту задачу выразила: "Христос рождается прежде падший восстановит образ". Наш народ, быть может как совсем не многие народы, с особой остротой осознавал и переживал то, что человек в нынешнем его состоянии является носителем образа падшего, искаженного, утратившего свою первозаданную красоту и непорочность и потому нуждающегося в восстановлении. Известно, что искренне обратившийся ко Христу человек первое время охвачен, как правило, особым самоотверженным горением - он готов к самым решительным подвигам, способен на полную самоотдачу. Именно такой ревностный порыв охватил новообращенный древнерусский народ. Воссоздание в себе образа Божия стало заветной целью великого множества наших предков. Образ Христа был для них не абстракцией, но осязательно переживаемой реальностью. Идеалы христианства не были для них отвлеченной теорией, но живо воплощались в конкретных людях, которые составили собор русских святых.

С первых шагов развития христианства на Руси широкое распространение получили не только книги Священного Писания, но и переводы творений святых отцов Православной Церкви. Особенно любимой книгой была "Лествица" преподобного Иоанна Лествичника, исполненная глубочайшей духовной мудрости и красоты. Вообще, литература очень строго отбиралась: переводились только те книги, которые могли способствовать главной цели образования - воссозданию в падшем человеке образа Божия. Занимались образованием опять таки только те люди, которые могли этой цели содействовать, которые сами были уже образованными, причем не в современном смысле этого слова, т. е. просто-напросто напичканны-

ми теми или иными знаниями, но опытно прошедшими путь стяжания святости и отобразившими в себе Христа. Такие люди не только преподавали теорию правильной, т. е. праведной жизни, но в первую очередь сами являли собой образец этой жизни и были в полном смысле евангельскими светильниками, просвещающими мир. Ведь не секрет, что нет более сильного воспитательного воздействия, чем личный пример самого воспитателя. Нравственное влияние просто не сопоставимо по своей убедительности ни с теоретическим отвлеченным научением, ни тем более с моральным давлением или насилием. Вспомним, что Христос никогда никому из Своих учеников не приказывал, но Своим примером, Своим Образом, Своим Святым Ликом покорял их. "Господи! к кому нам еще идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни" (Ин. 6. 68), - признавался апостол Петр. Истинные святые, добродетель, благо и красота влекут и покоряют людей, пробуждают в них стремление к чистоте и совершенству. Ложь и насилие это стремление подавляют.

Итак, целью древнерусского образования являлось указание человеку пути, следуя которому, он смог бы достичь воссоздания в себе первозаданного образа Божия, утраченного в грехопадении. Наши предки в большинстве своем не видели в этой жизни другой более высокой и значимой цели и делали все возможное для ее достижения.

Но со временем это положение стало меняться. Стали появляться иные задачи образования, иные критерии в его постановке. Некоторые исследователи этого вопроса, например И. В. Киреевский или протоиерей Георгий Флоровский, утверждают, что уже на рубеже XV-XVI веков в России начинается отход не только от прежнего типа образования, но и изменение принципов церковной и общественной жизни в целом. Если предельно схематизировать, то связано это было в первую очередь с тем, что благоговение русского человека ко всему, что давала ему Церковь, постепенно стало концентрироваться по преимуществу на одних лишь формах (обрядов, традициях, внешнем благолепии) церковной жизни в ущерб ее содержанию.

Именно в этот период происходит событие, принципиально повлиявшее на всю дальнейшую судьбу нашего Отечества. Речь идет о так называемом споре заволжцев и иосифлян, т. е. двух направлений русского монашества того времени. Кульминацией этого спора стали церковные Соборы 1503 и 1505 годов. Олицетворением движения заволжцев или нестяжателей был преподобный Нил Сорский. Иосифлянство связывалось с личностью преподобного Иосифа Волоцкого, хотя на самом деле не выражало его учения в точности и полноте, но лишь отталкивалось от него, во многом доводя до крайности некоторые его положения. В центре соборных дискуссий встал вопрос о положении монастырей в государстве. Преподобный Нил в полном соответствии со святоотеческой монашеской традицией нестяжания выступал против монастырских имений. Монастыри не должны обладать, считал он, ни вотчинными землями, ни излишествами в быту, ни роскошью в убранстве храмов, ни богатством ризницы, ни, вообще, чем-либо, что превышает минимальные потребности настоящей монашеской жизни, суть которой - умное делание. Возражения с противной стороны были следующего характера. Если монастыри не будут иметь земель, - считали иосифляне, - а следовательно, хорошего дохода, и монастырский быт будет суров, то кто же тогда из бояр пойдет в монахи? А если в монастырях не останутся монахов из бояр, то кто же тогда будет епископом. Ведь епископы должны быть из людей благородных, имеющих в миру влияние и авторитет... Монастыри должны быть богатыми еще и для того, чтобы при нужде помогать бедным и обездоленным.

Казалось бы, что, по крайней мере, последний аргумент выглядит весьма убедительно: монастыри должны стать центрами благотворительности. Кто может против этого возражать? Тем более, что из истории Церкви известно, что именно монастыри нередко спасали окружающего крестьян буквально от голодного вымирания... Но знакомство со святоотеческой традицией монашества показывает, что его первоначальные задачи сами по себе далеки от социальных. Цель монашества - преобразование "внутреннего человека", важнейшее средство - умное делание. Подмена цели и средств чрева-

та, как показала дальнейшая история, искажением самого смысла монашества, а значит и христианства вообще. Монастыри из врачевниц духа, скромных в материальном отношении, стали превращаться в огромные хозяйства, монашеские братства - в трудовые артели. А ведь не для кого не секрет, что чем больше у человека внешних хозяйственных и бытовых забот, тем меньше внимания он может уделить своей внутренней жизни. Трудно, вернее невозможно работать двум господам: Богу и маммоне (Мф. 6, 24), - утверждает Евангелие.

Таким образом, в отечественной монашеской жизни начался процесс постепенного оскудения, главная причина которого заключалась, по мнению святителя Игнатия, в оставлении умного делания. Это оскудение, что естественно, отрицательно отразилось на духовном уровне всей церковной жизни, а значит и на всех сторонах жизни нашего народа вообще. Монашество, как известно, является передовым отрядом Православной Церкви, и его духовное состояние всегда определяет духовное состояние всего церковного народа. В соответствии с этим законом упадок монашества на Руси стал постепенно приводить к деградации всех форм народной жизни, к упадку нравственности, национальной культуры, быта, к расколу, смутам и брожениям.

Все это самым непосредственным образом отразилось как на принципах, так и на постановке образования. Если целью древнерусского образования было, как уже отмечалось, воссоздание духовной красоты образа Божия в человеке во всех его проявлениях, и все было направлено к этой цели, главные усилия сосредоточивались на изучении святоотеческих творений, принципов христианской жизни, основ правильной молитвы, принципов духовного руководства, т. е. на пути спасения в целом, то после победы иосифлянского движения упор делается прежде всего на внешней стройности теоретических знаний в ущерб деятельному опыту. Начиная с XVI столетия в русских святцах очевидно резкое сокращение числа "преподобных", т. е. святых из монахов, тех, которые достигли предельно возможного уподобления Господу Иисусу Христу по своим внутренним свойствам. Истинных духовных светильников почти не стало, а значит не стало истинных воспитателей, способных передавать другим людям опыт воссоздания в себе образа Божия. В образовании авторитет духовного совершенства постепенно заменяется авторитетом начетничества, книжного энциклопедизма. Образование приобретает все более рационалистический западный характер. Принцип средневековой латинской схоластики прочно укореняется в учебных заведениях, которые стали открываться сначала в Киеве и Москве, затем уже в Петербурге и других городах.

Первостепенная цель образования западного типа, ставшая особенно ярко выраженной после отпадения Римской Церкви от Единого Соборного Тела, состояла не в том, чтобы сделать человека совершеннее, но в том, чтобы дать ему как можно больше знаний, знаний ради самих знаний. Основологающим принципом западного богословия являлась упомянутая уже схоластика. Она характеризуется, во-первых, тем, что научное богословие становится самодостаточным, богословские выводы перестают быть духовными ориентирами-указателями пути ко спасению и становятся отвлеченными, не имеющими практического значения в духовной жизни умозаключениями. Богословие начинает заниматься постановкой проблем, которые не имеют никакого принципиального значения в жизни человека. Вековые дискуссии посвящаются вопросам следующего характера: общие понятия реальные или номинальны, т. е. существуют сами по себе или остаются только именами; или: сколько ангелов поместится на кончике иглы, т. е. каково соотношение нематериальных субстанций и материального пространства и т. д. (причем многие из подобных споров заканчивались кострами инквизиции). Богословие, таким образом, превращается из средства научения человека пути ко спасению в средство развлечения для праздного человеческого ума, становится по сути разделом философии. Когда-то говорили, что философия является служанкой богословия, но после победы схоластического принципа их роли поменялись: служанка захватила власть, и уже богословие стало послушно плестись в русле философии.

К сожалению, точно такое же искажение задач образования под непосредственным влия-

нием Запада произошло и в России. Возникшие в XVII-XVIII веках русские духовные школы строились прямо по западному образцу. Главным требованием к учащимся было заучивание больших объемов информации наизусть. Изучались в основном латинские авторы, на латинском языке, по латинским, т. е. католическим, учебникам и методикам. Поэтому совсем не случайно доходило порой до того, что, как свидетельствуют исторические источники, до половины учащихся той или иной русской духовной школы находились буквально в бегах, не желая возвращаться в эти "проклятые семинарии". В этом отношении история Русской Церкви знает один очень символический пример: переводчик святоотеческого аскетического сборника "Добротолюбие" на славянский язык преподобный Паисий (Величковский), возродивший монашескую традицию умного делания, в юношеском возрасте бежал из Киевской семинарии, латинской по сути школы, в греческий монастырь, где самоотверженно предался самой насущной цели человеческой жизни - воссозданию в своей душе образа Божия. Схоластический тип образования в несколько изменившемся виде существует у нас до настоящего времени. Первые неудавшиеся попытки отказа от него начали предприниматься в середине прошлого столетия. В связи с многочисленными переводами на русский язык творений древних святых отцов для многих неравнодушных людей стало очевидным, что не только значительное число положений русского академического богословия, но и сам подход к богословскому образованию не соответствуют у нас критериям Священного Предания Церкви. Пробудилось искреннее желание восстановить насколько это возможно прежний характер образования. Например, при митрополите Филарете (Дроздове) Московскую духовную академию называли полукиновией (киновия - общежительный монастырь - ред.). Святитель Филарет старался, как мог, возродить прежнюю образовательную традицию, но после его смерти все его усилия практически сошли на нет.

В конце концов, стало доходить до того, что из духовных семинарий и академий стали во множестве выходить религиозно безразличные и даже агрессивные настроенные по отношению к религии люди. Немалое число известных революционеров - это бывшие семинаристы. Митрополит Вениамин (Федченков) в своей книге "О вере, неверии и сомнении" очень живо и убедительно показывает какой страшной степени обмирщение царило в духовных школах конца XIX - начала XX веков. В этом смысле очень характерна судьба известного религиозного мыслителя протодиакона Сергея Булгакова. Воспитанный в семье священника он уходит из духовной семинарии по причине полного разочарования в религии и убеждения в том, что никакого Бога нет и быть не может. И лишь через много лет, после мучительных мировоззренческих поисков Булгаков вновь обращается к религии и становится впоследствии священником. Подобные примеры заставляют задуматься о многом.

В наше время, когда возрождено и открыто множество духовных школ, нельзя не учитывать прошлый как позитивный, так и негативный опыт, чтобы не повторить тех ошибок, которые способны привести не только к личным, но и к общественным по своим масштабам трагедиям. Тем более это необходимо созвучно перед лицом той духовной, точнее лжедуховной агрессии, которая осуществляется ныне по отношению к нашему народу. Поэтому, чтобы нам и нашим детям духовно и нравственно выжить, наше образование по своему характеру должно быть ориентировано, прежде всего, на возрождение тех образовательных принципов, которые существовали на Руси до "латинского пленения". Главное внимание должно быть обращено на духовное и нравственное воспитание учащихся, на укрепление их веры. Необходимо не просто напичкивать человека огромной массой отвлеченной информации, кучей "сырого" теоретического материала, но в первую очередь помочь ему стать христианином не по названию только, но и по существу. Прежде всего, нужно научить человека исполнению евангельских заповедей, основам правильной молитвы, способам борьбы со страстями, деятельному и живому изучению творений святых отцов. Только на этом пути православие способно стать для человека тем бесценным сокровищем, найдя которое он готов пожертвовать всем, что у него есть.

Игра в литературу

— Когда Вы приходите к второкурсникам МГИМО читать лекции по зарубежной литературе, первым делом говорите: «Нам надо забыть о том подходе к литературе, который часто практикуют в школе...» Что Вы имеете в виду?

— Я просто вспоминаю свою учительницу литературы в последних классах, которая была очень хорошей женщиной, но очень плохим учителем. Она не знала литературу, но главное, не чувствовала и не понимала вообще, что такое литература, как она строится и кто такой писатель. Еще она нам дословно вдалбливала то, что написано в методичках: про образы бедных людей, угнетенных царизмом, про образы революционеров, явно сумасшедших людей, типа Рахметова, который спал на гвоздях, про Чацкого — дурака, который не мог договориться с любимой женщиной, про страшного человека Базарова, которому в мучениях на смертном одре являлись красные собаки... Но это не было литературой и уж тем более преподаванием литературы.

— Складывается ощущение, что к школьным учителям как классу Вы относитесь скептически...

— Все не так, конечно, и это просто частный случай. Лично у меня в жизни был и совершенно другой пример учителя. В Центральной специальной музыкальной школе в Москве, где я учился в младших классах, у меня был замечательный педагог — Эдвард Георгиевич Гудаков. Он действительно чувствовал литературу и понимал ее. Если он читал стихи, то ощущал этот ритм. Если говорил о прозаиках, то ощущал всю палитру тех человеческих характеров, тех человеческих страстей, человеческих прозрений и заблуждений, которые, естественно, выражает всякая высокая литература: и Пушкин, и Гоголь, и, в общем, достаточно молодой, но создавший фактически великую русскую прозу Лермонтов. А тем более Толстой и Достоевский. И таким образом он прежде всего зажигал нас любовью к литературе. Каждый урок превращался в «игру в литературу». Он предлагал, например, читать по ролям. И говорил: «Давайте попробуем сегодня подступиться к Городничему. Юра, вот ты будешь Городничим. Ты на него, конечно, не очень похож. Но кто знает, вдруг в тебе что-то от него найдется. Давай-ка, ощути себя начальником, который управляет! А вот Хлестаковым пускай будет Сережка Арзуманов. На самом деле на Городничего похож больше он, а ты — скорее, Хлестаков, я-то твою натуру знаю... Сережа — он такой большой, решительный, в чем-то простоватый. Сереженька, не обижайся на меня, я люблю». И мы начинали читать. Потом мы все-таки менялись ролями, и я становился Хлестаковым, а Сережка — Городничим. И это захватывало. Потому что литература существует, в общем, для того, чтобы ты с помощью ее персонажей

УЧИТЕЛЬ НЕ МОЖЕТ УЙТИ

Профессор МГИМО,
писатель и телеведущий Юрий Вяземский
— о своей бабушке, о том, как выпускать BMW,
а не «Жигули», и о том, у кого учился Достоевский.

познавал самого себя.

Одна двадцатая
— Часто говорят: чтобы на свете были учителя, нужны люди, которые готовы встать в позицию ученика. Уже восемнадцать лет Вы ведете передачу «Умники и умницы» и видите школьников, которые завтра станут студентами. Как Вам кажется, они готовы быть учениками? Изменилось ли что-нибудь в десяти за эти годы?

— Трудно ответить на этот вопрос, потому что, как мне кажется, со времен Древнего Египта люди, в основном, делились на тех, которые хотят учиться и учатся, и на тех, которые совершенно не хотят ничему ни у кого учиться, их нужно заставлять, и только тогда они, может быть,

При этом я вижу, что остается одна десятая, а может, одна двадцатая доля школьников, которым наплевать на модные тренды в обществе, на то, поощряется знание или нет. Их поощрение — у них в сердце. Изучать и знать — их счастье. И даже если им запретить этим заниматься, они будут делать это тайно.

— Одна двадцатая — это много или мало?

— И много, и мало. Для великих открытий достаточно одной сотой, а может быть, и одной тысячной. Эйнштейнов, Боров, Гинзбургов и Алферовых много быть не может, да и не нужно. Но чтобы воплотить их великие идеи в жизнь, чтобы обработать технологически и

Она научила его правильной речи...

— Кто был Вашим главным учителем?

— Здесь я должен сказать о целом корпусе учителей. Это были люди, которые на моих глазах с самого моего детства всегда работали. Они никогда не были праздными. Я всегда видел, что работать — это естественное состояние человека. Причем не «от» и «до», не с шести до девяти, а всегда: прийти домой, взять книгу и карандаш и, читая и отдыхая, тоже работать.

Моя бабушка вместе со мной готовила уроки, вместе со мной занималась музыкой, играла на скрипке, водила меня в школу. Еще она закладывала в

чему-нибудь научатся. Есть еще одна группа: они смотрят, что сейчас принято в обществе — стоит ли учиться и для чего? Поощряет современное общество знание или нет? Надо ли стремиться стать кандидатом, а потом доктором наук, или нет? Сейчас вот, по-моему, совершенно не надо: ни финансово, ни статусно ты ничего особенно не получаешь. Это, конечно, вопрос о том, что в обществе считается ценностью. Знаете, в Древнем Китае чиновник сдавал сначала один экзамен, потом экзамен другого уровня, потом третьего, и таким образом понимал: чтобы достичь чего-то в жизни, обязательно надо учиться. Есть и менее давний пример. Почему достаточно бедный отец Мао Цзедун почти все деньги вкладывал в образование сына? Потому что сам в свое время проиграл суд, когда во время заседания не смог защитить свою позицию цитатой из Конфуция. А знание учения Конфуция считалось одним из самых серьезных аргументов. Вот такой был стимул учиться. Есть ли подобный стимул сегодня — не знаю.

сделать прикладными, одна двадцатая — это мало. Потому что чтобы строить BMW, а не «Жигули», нужно очень много образованных, талантливых инженеров и рабочих.

— А как сделать так, чтобы людей, готовых и желающих учиться, становилось больше?

— Все начинается в семье. Потому что самая главная школа — это то окружение, в котором ты родился, в котором получил первоначальное базовое воспитание и базовую ориентацию в том, как и зачем познавать мир. Некоторые психологи считают, что характер человека формируется уже к трем годам, и дальше его трудно переделать. Почти подавляющее большинство ученых считает, что в школу приходит уже сформированный человек. Его можно «шлифовать», можно наполнять, направлять, корректировать, но базово он уже заложен: со своими интересами, со своими ориентациями, со своим самосознанием.

Во многом об этом еще Цицерон говорил. Он в свое время сделал заявление о том, что его главным учителем была мама.

меня основы христианской этики, хотя никогда не говорила со мной о Боге. В те времена о Боге вообще не говорили. Но то, что она мне проповедовала, и то, чему она меня учила, мало чем отличалось от проповеди Иисуса Христа.

Большинство ее наставлений сводилось к тому, что надо если уж не любить ближнего, то хотя бы уважать его и считаться с ним. Она говорила: «Вот ты хочешь пойти в гости к Наташе Чубинской. Но прежде всего подумай: а Наташа обрадуется, когда ты к ней придешь? Может быть, в это время она готовит уроки или отдыхает, или родители ее заняты чем-то другим. Ты не думай о себе, ты подумай о них». То есть из основной — пожалуй, исчерпывающей — заповеди Христа бабушка выводила, по существу, все свое воспитание.

Мама, Ольга Сергеевна, научила меня не только английскому языку, но и любви к иностранному языку, ощущению иностранного языка, пониманию того, что «сколько ты языков знаешь, столько раз ты человек».

Систему миропредставлений — научное мышление, художественное мышление — заложил отец, Павел Васильевич Симонов. Пожалуй, он-то и был моим главным учителем.

— А были ли у Вас учителя вне семьи?

— Меня в каком-то смысле спасла моя учительница музыки, Татьяна Исааковна Захарына. Она учила меня игре на скрипке в музыкальной школе при Ленинградской консерватории. Я был очень большим ребенком, болел детской пикнолепсией: периодически у меня просто пропадало сознание, но при этом сохранялась моторика. В момент приступов я мог сделать все, что угодно, — пойти куда-то, бросить скрипку. И, зная это, Татьяна Исааковна взяла меня в класс. Но это еще не все: она взяла меня в ансамбль скрипачей — великолепнейший коллектив, где маленькие детки семи-восьми лет в бархатных костюмчиках играли на разных площадках, в том числе очень крупных — в Мариинском и Большом театрах, в Кремлевском дворце съездов. Само собой, брать меня в этот коллектив было крайне рискованно. Представляете, концерт в Кремле — и вдруг с мальчиком на сцене начинается что-то происходить... Но Татьяна Исааковна настояла, чтобы я играл в ансамбле. Она меня любила, защищала и поддерживала. Эти веру и любовь я чрезвычайно ценю и считаю, что они дали мне намного больше, чем какие бы то ни было конкретные знания. И я думаю, что именно эта поддержка — уже в самом раннем возрасте — вдохнула в меня не только силы и уверенность в себе, но и тем самым в какой-то степени исцелила меня. В девять лет моя болельница ушла. Просто взяла, сама по себе, и ушла...

Как поступил бы Христос?

— Профессия учителя, с Вашей точки зрения, чем-то принципиально отличается от других профессий?

— Отличается. Это одна из трех святых профессий: священник, врач и учитель. В свое время Гай Юлий Цезарь, сильно сокращая состав римского населения, выслал всех иностранцев, но сделал исключение для двух категорий людей: для учителей и врачей. Их он оставил. Священников в то время в Риме еще не было.

(Продолжение на стр. 4)

(Продолжение. Начало на стр. 3)

(Такое сочетание святых профессий, как мне кажется, неслучайно. Врач занят телом и, если врач хороший, частично душой. Священник, как мне представляется, главным образом занят именно духом человеческим и, говоря языком Гете, бессмертной его частью. Учитель находится где-то посередине между священником и врачом. Главным образом — на уровне души. И это во многом созвучно идее, которую я исповедую, о трех основных путях познания: путь научный — то есть опытное познание мира вокруг себя, путь художественный — искусство как познание себя через игру воображения, и путь религиозный — попытка осмыслить свое место в вечности. Это три разных пути с разными целями, разными результатами и разным языком, и в гармонично развитом человеке, как я считаю, они должны присутствовать все. Поэтому когда некоторые нобелевские лауреаты начинают заявлять, что они в Бога не верят, мне их становится жалко. Ведь с верой их жизнь стала бы намного более гармоничной и богатой. Ведь ни Эйнштейну, ни Бору вера почему-то не мешала. Да, она у них была какая-то своя, особенная. Но была!

— То есть три святых профессии накладываются на три пути познания?

— Я думал на эту тему, но понял, что полной корреляции здесь нет. Ведь у человека может

быть учитель и в науке — это будет научный учитель, и в искусстве — это будет художественный учитель. И, естественно, всегда были, есть и будут учителя среди пастырей, духовных наставников. Две трети человечества со мной не согласится, но для меня величайший во всем мире учитель — это Иисус Христос.

— Для человека неверующего это прозвучит как красивая абстракция...

— ...Но это не так. И если Христос становится конкретным, живым учителем в твоей реальной жизни — это огромная радость! На эту тему прекрасно высказался Достоевский. Он говорил, что когда перед ним возникает какой-нибудь очень серьезный вопрос, он всегда спрашивает себя: как бы на моем месте поступил Иисус Христос? И сразу находится ответ. «Надо ли сжигать еретиков? — спрашивал себя Достоевский, и продолжал: — А стал бы их сжигать Христос?» Мне лично сразу становится страшно после этого вопроса, потому что единственное, что в этом плане сделал Спаситель, — это высушил бесплодную смоковницу. Но если даже не брать такие глобальные примеры, то и в обычной жизни Христос может быть учителем. Что сказать тому или иному человеку? Как повести себя на работе в сложной ситуации? И так далее. Ответ, то есть вопрос, тот же: а как бы на моем месте поступил Христос?

«Несанкционированный» учитель

— Есть мнение, что у нынешней молодежи уходит осознание важности наличия в жизни Учителя. Вы согласитесь?

— Мне кажется, это не может уходить. Потому что искать Учителя — в человеческой природе. Человек, который отказывается от учителя, например, в школе, а тем более от Учителя по жизни, в каком-то смысле и себя, и окружающих обманывает. Юное существо так устроено, что кому-то обязательно должно подражать. И если человек не признает «санкционированного» учителя — из семьи, из школы, из института — то его учителем становится просто сверстник, или какой-нибудь бандит на улице, или, например, Саша Белый из фильма «Бригада», или какой-нибудь лидер неформальной молодежи. То есть просто сфера учительства переносится в непригодную для этого другую среду... Музыкальный фанат, влюбленный в Гарика Сукачева, учится у него всему: и жизни, и манере поведения, и вкусу. Например, по моим наблюдениям, Ксения Собчак — мощный учитель жизни для большой аудитории: по ней судят об успешности, о жизненных ценностях. И такая ситуация очень опасна.

— Как же можно уберечь человека от ошибки в выборе учителя?

— Человек всегда выбирает

себе учителя сам. Поэтому я и говорю о том, что главное воспитание и обучение — это семья. Ведь одна из самых важных вещей, которые родители могут ребенку дать, — это как раз умение найти себе Учителя.

— А в чем это умение заключается?

— Как мне кажется, центральный механизм жизни нашей — это закон Сретения. Ты делаешь шаг навстречу к Богу — и в ответ получаешь шаг в свою сторону. Для меня это всемирный закон существования человека. И по моим ощущениям, это справедливо не только для отношений человека и Бога, но и для отношений человека с человеком. В хорошей семье ребенок может видеть, как этот механизм работает, на примере своего взаимодействия с родителями. Ведь, как я говорил, первых своих учителей ребенок находит именно в семье. Родители всегда готовы сделать шаг навстречу своему ребенку — и ребенок, таким образом, двигается в сторону учителя.

Точно так же закон Сретения работает и тогда, когда речь идет об отношениях с учителем и вне семьи. С моей точки зрения, настоящий Учитель — это тот, кто делает шаг, или два, или три к тебе, когда ты сделал хотя бы один шаг к нему.

— Остается вопрос, в каком направлении шагать...

— Говоря предельно конкретно, если ты не учишься у Христа, значит, ты учишься у

кого-то другого. И очень скоро можешь начать учиться у антихриста...

— А как закон Сретения реализуется в Вашей учительской практике?

— Вот представьте: сидит перед Вами студент с умными глазами, не пустыми, ранеными, смущенными, испуганными. Учитель должен посмотреть в эти глаза. И если он увидит там испуг, значит, с этим человеком надо «работать». Прежде всего, надо обратить на него особое внимание, сделать так, чтобы и другие ребята поняли, что ты на него обращаешь внимание. Что он хорош, красив и умен. Он понимает, что ты к нему относишься ласково, с любовью и что, возможно, он в перспективе может получить то или иное понимание. Он начинает радостно и благодарно навстречу тебе раскрываться. А иногда наоборот: он еще больше пугается и решает, что это обман, что его провоцируют, и начинает еще больше закрываться. Тогда надо еще раз подтвердить: «Вы мне симпатичны, Вы мне интересны, у Вас все получится, я на Вас очень рассчитываю».

И тогда в какой-то момент ему надоедает сопротивляться, и он раскрывается. Хотя бы чуть-чуть. Но и этого бывает достаточно, чтобы состоялась встреча учителя и ученика.

http://www.foma.ru/article/index.php?news=4648&phrase_id=677607

Цель христианина — спасение в Царстве Небесном. Но прежде чем мы оставим этот мир, мы должны исполнить свои обязанности на Земле, каждый в своем звании и на своем месте. Поэтому мы молимся не только о небесном, но и о земном. Святая Библия говорит о пользе учебы: *Нищета и посрамление отвергающему учение; а кто соблюдает наставление, будет в чести* (Прит.13:19).

В православных храмах в первый день учебного года служатся молебны об учащих и учащихся. В *Требнике* есть специальная молитва об отроке *неудобоучающемся* (плохо учащемся):

Господи Иисусе Христе Боже наш, вселившийся в сердца двенадцатых апостолов неллицемерно, благодатию Всесвятаго Духа, сошедшаго в виде огненных язык, и сих устне отверзый, и начаша глаголати иными языки: Сам Господи Иисусе Христе Боже наш, ниспосли Того Духа Твоего Святаго на отрока сие (имя): и насади во ушеса сердца его Священныя Писания, яже рука Твоя пречистая на

Можно ли в молитве просить Бога помочь в учебе?

скрижалех начерта законоположнику Моисею, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Из Жития преподобного Сергия Радонежского мы знаем, что ему сначала не давалась грамота. Братья же его Стефан и Петр учились успешно.

Варфоломей проливал слезы и усердно молился: «Господи! Дай мне выучить

грамоту эту, научи меня и вразуми меня». Однажды его отец послал сына искать заблудившихся коней. На окраине леса отрок встретил благообразного молящегося старца-черноризца. По окончании молитвы старец благословил отрока, облобызал его и спросил, что ему нужно. Варфоломей отвечал:

— Я отдан, отче, в книжное обучение, но мало разумею, что говорит мне мой учитель; очень скорблю я о сем и не знаю, что мне делать.

Отрок попросил старца, чтобы он помолился о нем Господу. Старец исполнил просьбу мальчика. Окончив молитву, он благословил отрока и сказал:

— Отныне Бог даст тебе, дитя мое, уразуметь то, что нужно, так что ты и других можешь поучать.

При этом иннок дал Варфоломею как

бы некоторую частицу от просфоры и велел вкусить:

— Возьми, чадо, и съешь; сие дается тебе в знамение благодати Божией и для разумения Святого Писания. Не смотри на то, что сия частица так мала: велика будет радость твоя, если вкусишь от нее. Отрок, действительно, тотчас же начал умело читать псалмы. Родители его сильно дивились такой перемене.

Сами учащиеся должны молитвенно просить Господа Бога и Матерь Божию о помощи в учебе. Св. праведный Иоанн Кронштадтский рассказывал о себе:

«Скорбя о неудаче учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне смысл и разум, — и я помню, как вдруг спала точно завеса с моего ума, и я стал хорошо понимать учение. Чем больше я возрастал, тем лучше и лучше успеваю в науках, так что почти из последних возвысился до первых учеников» (Автобиография. — Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев, М., 2004, с. 8).

www.pravoslavie.ru

Молитва перед учением

Преблагий Господи! Ниспосли нам благодать Духа Твоего Святаго, дарствующаго и укрепляющаго душевные наши силы, дабы, внимая преподаваемому нам учению, возросли мы Тебе, нашему Создателю, во славу, — родителям же нашим на утешение, — Церкви и Отечеству на пользу.

Вместо этой молитвы перед учением можно читать молитву Святому Духу —

Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, сокровище благих и жизни Подателю, прииде и вселися в ны, и отчисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Молитва после учения

Благодарим Тебе, Создателю, яко сподобил еси нас благодати Твоея, во еже внимати учению. Благослови наших начальников, родителей и учителей, ведущих нас к познанию блага, и подаждь нам силу и крепость к продолжению учения сего.

Вместо этой молитвы после учения можно читать молитву Божией Матери —

Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего, честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без исления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем.

Почему в обществе нарастают антицерковные настроения?

Юрий Белановский, заместитель руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Даниловом монастыре в Москве

Я со своей стороны различаю причины «внешние» по отношению к русскому Православию и «внутренние» причины, обусловленные современными особенностями церковной жизни. Думаю, такое различие важно и полезно для начавшейся дискуссии.

О «внешних» причинах

Первая и главная причина общественного неприятия православного христианства в том, что все люди в той или иной мере имеют тягу ко злу. Заповеди Христа и Имя Его для многих неприемлемы в принципе. Для христиан – это азбучная истина, определяющая снисходительное и терпеливое отношение к критике, но со стороны общества было бы полезно помнить, что многие люди готовы беспричинно ругать, хулить и даже гнать христиан, только за имя Христа.

Во-вторых, необходимо упомянуть и доставшуюся нам в наследство от советского прошлого секулярную, производственно-ориентированную, безбожную, достаточно неглубокую в гуманитарном плане массовую культуру, которая не дает возможности понять христианство в его глубине и осмыслить церковную жизнь по сути (подробнее см. тут). Царствует прагматический подход, при котором Православие воспринимается враждебно, как «черный ящик», а иногда и как угроза «личной жизни» и свободе.

Наиболее ярко постсоветская культура проявила себя в телевидении и других СМИ, которые куда сильнее, чем «семья и школа», формируют мировоззрение народа. Осмелюсь сказать, что сегодня информационный поток во многом антихристианский. Это даже доказывать не нужно, ибо основные приоритеты – власть, деньги, насилие, секс.

Мне понятно, что за телевидением и другими СМИ, давно ставшими частным бизнесом, стоят баснословные деньги, задача которых очевидна – дать власть и принести еще больше денег. Тут и говорить нечего о воспитательных функциях, о нравственности. За все 20 лет постсоветской жизни даже Русская Церковь не смогла повлиять на нравственность телеэфира. Мне не известен ни один случай снятия программы с эфира по инициативе Церкви, хотя неоднократно и на официальном уровне упоминались наиболее развратные и разлагающие наше общество телепрограммы. Что уж говорить про общественный совет по нравственности, идея создания которого обсуждалась многократно, а до дела так и не дошло (об этом я тоже как-то писал). Если опустить «мелочи» типа лжи, бесчестия, властолюбия, бескультурья и все размывающей попсы, даже откровенная порнография и оккультизм как процветали, так и процветают на

телевидении, воспитывая, вернее разлагая россиян. Православные же телеканалы не могут несколько компенсировать это разложение, ибо являют собой нечто мало профессиональное и занудное и, по мнению многих, скорее отталкивают людей от православного христианства, чем приводят в него.

Влияние телевидения столь мощно, что даже в церковных кругах мне пришлось слышать выражение: «чего нет в телевизоре, того нет в жизни». Нравственное, эстетическое мировосприятие россиян сегодня так слабо и так зависит от телевидения, что порой мне становится страшно – стоит провести по «зомбоящику» «разоблачительную кампанию» против православных в стиле «антилужковского сериала», и народ пойдет громить храмы.

В-третьих, недовольству Церковью способствуют и ложные ожидания со стороны общества. С одной стороны, ожидания псевдорелигиозные. Среди россиян сложилось и даже укоренилось во многом языческое, обрядовое, формальное и даже коммерческое представление о православном христианстве, логика которого выражается просто: «я тебе, ты мне». Первая часть «договора» – средства на храм, покупка свечей и т.д., как правило, исполняется, а вот вторая – здоровье, деньги, успех и земное благополучие – нет, ничего этого у россиян не прибавляется. Церковная жизнь как воплощение личной веры во Христа народу не нужна.

С другой стороны, и это более важно, есть ложные ожидания социальных благ и даже хоть какой-то помощи от Русской Церкви, порожденные фантазиями народа. Недовольство властями, социально-экономические трудности, даже отчаяние сублимируются, выливаются в надежды, что РПЦ – реальный защитник и помощник. Но время идет, а ожидаемая помощь не приходит, и в людях накапливается недовольство, выливаемое и на Церковь в том числе.

К сожалению, мало кто понимает, что Русская Церковь не может стать неким «министерством» по материальной, социальной, психологической и другой помощи, ибо Она – это, прежде всего, единство христиан, объединенных верой и желанием жить со Христом Богом и исполнять Его заповеди. Безусловно, Церковь может и даже должна заниматься и миротворчеством, и социальным служением, и культурным просвещением, но надо понимать, что для нее – это разные виды служения христиан, которые не могут быть регламентированы заранее и жестко. Никакие христианские служения в принципе не смогут стать системным откликом на разваливающуюся социально-экономическую жизнь страны.

Задача и призвание Церкви не в решении проблем. Невозможно в принципе выжать из христиан «систему служения» или «КПД», невозможно служение встроить в «вертикаль управления». Именно эта идея служения, как добровольного исполнения заповедей ради ближних и ради Христа, не ясна «внешним» по отношению к Церкви людям, что и порождает ложные ожидания.

В-четвертых, скажу о чудовищной безграмотности светских журналистов и разного рода «говорящих голов», мало сведущих в церковных делах и вопросах веры. Часто точно описывая свои ощущения, опыт или настроения людей, журналисты не могут адекватно понять смысл и причины происходящего, не могут даже адекватно воспринять церковную терми-

нологию и структуру церковного управления. Описываемая ими церковная жизнь не имеет отношение к реальности, но ярко отпечатывается в сознании смотрящих, слушающих и читающих.

Я не понимаю, почему, но отсутствует распространенная систематическая практика консультаций, работы с экспертами, пусть и по аналогии с темами экономики или даже погоды. Вместо того чтобы разобраться в чем-то и перевести событие на понятный светской аудитории язык, события важные для Церкви и даже Страны просто игнорируются. Светские журналисты слишком часто обращаются к наиболее им понятным «приземленным» церковным темам, к скандалам и «разоблачениям», чем формируют у людей неадекватный образ РПЦ, как одной из сфер жизни россиян, наподобие шоу-бизнеса.

«Внутренние» причины

Первая и самая главная «внутренняя» причина способная породить недовольство Русской Церковью – это жизнь самих православных христиан. Церковные люди по факту живут так же, как и многие вокруг в простой жизни и в бизнесе. Православные не против высокооплачиваемой работы, смотрят телевизор, слушают рок и поп-музыку, интересуются новостями, носят модную и дорогую одежду, пьют спиртное и даже курят сигареты. Более того, всем известны истории о развалившейся семье священника, о том, кто с кем выпивал, кто кого встретил на курорте, кто хитростью получил деньги и потратил их на храм, кто и почему ездит на дорогой машине, кто провел гаишника и не заплатил штраф и т.д. и т.п. Доверие к таким рассказам высоко, ибо в большинстве случаев они идут от очевидцев. Помню, как лет двадцать назад мой институтский друг передавал мне слова своей мамы, участницей гостиничного делу, что некоторый известный ей лично нечистоплотный «бизнесмен» рукоположен в священники.

Как такое опровергнуть? Конечно, с появлением блогов и социальных сетей количество таких рассказов возросло, а достоверность упала, но все же по сути ничего не изменилось. Шила в мешке не утаишь.

Понятно, что народное ожидание святости «здесь и сейчас» – это очередной миф, очередное ложное ожидание. Но разве со стороны православных «Церковь земная» не проповедовалась как «Церковь небесная»? В некоторых случаях люди справедливо ждут от священников и прихожан «небожительств», ибо только о нем слышат и справедливо недоумевают, что не видят святости вокруг и на каждом шагу. Мне не ясно, почему же до сих пор православные христиане не предлагают вполне реального современного понимания церковной жизни?

Очень ярко противоречие между проповедью и реальностью вскрылось на примере известного режиссера и актера, ставшего священником. Мало кто может по-

нять, почему для него, по его собственным словам, «все рамки раздвинуты» и нельзя лишь «попить основные принципы», «делать порнографию» и «ненаказуемое насилие», а простым христианам нельзя даже молочка в пост попить?

Итак, серьезнейшая «внутренняя» проблема православных христиан – необъяснение себе и окружающему миру, что же значит жизнь христианина в современном мире, что же действительно отличает христиан от нехристиан сегодня.

Вторая причина, – и об этом уже говорилось выше, – непонятность Православия, непринятие обществом некоторых архаичных традиций (достаточно обратиться к дискуссии о церковнославянском языке). Со стороны православных пора перестать игнорировать эту истину и начать всерьез вкладываться в просветительские, образовательные и социальные проекты. Современность, понятность и значимость дел и слов, обращенных от Церкви к обществу, не означает отступление от «веры отцов». Но об этом уж много раз писалось и говорилось.

В-третьих, следует сказать, что с точки зрения современного человека, привыкшего к полной информационной открытости, очень сильно влияет на отношение к Русской Церкви закрытость информации о внутренней жизни. Я не говорю, что закрытость – плохо. Я говорю, что это трудно понять и принять современному человеку. Из последних ярких дискуссий по внутрицерковным вопросам, вышедшим из блогов в СМИ, ясно, что даже многим православным христианам что-то не понятно, и они вынуждены задавать вопросы и говорить о своих недоумениях. Единственный, оставшийся в некоторых темах аргумент «мы доверяем начальству», вполне приемлем внутри православного сообщества, но он точно не работает вовне. Пример последних дней – нашумевшее открытое письмо Святейшему Патриарху, где высказывалось недовольство сотрудничеством между Церковью и Министерством здравоохранения. Поводом послужила трагическая история отказа в лечении тяжелобольному человеку. Автора письма аргумент «доверия» не удовлетворяет, ему важно понять, почему Церковь, заключая договора, молчит о коррупции и безнравственности в области здравоохранения?

Из-за информационной закрытости многие обращаются к слухам и домыслам, а этим, в свою очередь, пользуются лгуны и провокаторы. Вспомним известную телепередачу «НТВ-шники», посвященную «разоблачениям» РПЦ.

К сожалению, за 20 лет церковная журналистика никак не усвоит азбучный принцип текстовой рекламы: надо объяснять «почему?» и «зачем?», а не просто свысока декларировать «истину в последней инстанции». Если люди понимают смысл происходящего, если разделяют цель, то не только с терпением отнесутся к временным трудностям или чьим-то ошибкам, но и станут помощниками и защитниками – Апологетами Церкви.

Я думаю, естественным противоядием разного рода слухам и клевете могла бы стать реальная живая православная блогосфера, о потенциале которой я как-то писал. Понятно, что блогеры могут быть и критиками, но если они православные христиане, то всегда будут на стороне Церкви.

(Продолжение на стр.6)

(Окончание. Начало на стр 5)

Я говорю не о показных или заказных оправдательных статьях, а о живом отклике участников и очевидцев. Но, к сожалению, по ряду причин такая блогосфера всерьез не сложилась. Никто не отнесся с доверием и пониманием к активистам Интернет-пространства.

В-четвертых, я думаю, что очень пагубно на имидж Церкви влияет внутренняя глубокая разделенность православных, часто по вторичным вопросам. «Внешние» по отношению к Православии люди не могут этого не знать и не видеть.

К примеру, очень яркое вышедшее в крупные СМИ разделение православных породило скандал с «наркоборческой» деятельностью в Екатеринбургской области. Камнем преткновения стала тема отношения к зависимым людям – наркоманам, алкоголикам: относиться ли к ним как к личностям, или они не более чем «опасность». Вера во Христа оказалась столь малозначима для самих христиан, что даже ради нее многие не согласились прийти к примирению. Разве это не антимиссия?

Второй пример. Известный авторитетный православный блоггер в своем живом журнале стравливает людей, «сливает» доносы и компроматы, причем

даже на епископов. По сути, он создал площадку по травле братьев христиан и, не стесняясь никого и ничего, лишь набирает обороты и входит во все больший зазор. Дошло до того, что руководителю одной из Синодальных структур пришлось публично через известное информационное агентство осадить зарвавшегося блоггера. Не заметить столь скандального, яркого и статусного Интернет-сайта невозможно. Вполне логично услышать вопрос: как можно доверять православным, если среди них, не стесняясь, орудут «черные пиарщики» и провокаторы?

В заключение скажу, что негативно-му отношению к РПЦ служит и демагогичность проповеди многих православных активистов. Мне доводилось слышать нелестные отклики о Русской Православной Церкви как «организации демагогов». Слишком много говорится правильного и нужного, но далеко не всегда извне видны дела подтверждающие сказанное. Конечно, тут есть недоработка православных СМИ, сказывается опять же и отсутствие развитой блогосферы, но не только. К примеру, ярко, иногда чересчур ярко пропагандируется многодетность. Но за исключением единичных примеров, не известны свидетельства о поддержке многодетных семей и моло-

дых родителей во внутрицерковной среде. Зарплаты церковных работников, как правило, не позволяют содержать даже семью с одним ребенком, не говоря о трех и более. Людям извне не известны ни случаи выплаты положенных законом, ни случаи предоставления оплачиваемых декретных отпусков и отпусков по содержанию малолетних детей и т.д. Известные православные организации не принимают на работу женщин-матерей, мотивируя это высокими требованиями к работе. Справедливости ради надо заметить, что последние пару лет с развитием Синодального отдела по церковной благотворительности и социальной работе что-то меняется, но пока – это капля в море.

Что из всего этого следует?

Перечислением столь многочисленных причин негативного отношения к Русской Православной Церкви я постарался показать, что эта тема не чернотная, она не имеет единственно правильного решения или ответа. Со стороны православных, слишком часто говорят о «внешних» причинах и игнорируют или просто отрицают «внутренние». Со стороны светских, почти всегда забывается, что Православие – это в первую очередь христианство, и упор делается на «внешние» формы и ошибки церковной

жизни. Единственно, что может противостоять все возрастающему общественному недовольству, – а я думаю, что оно действительно нарастает, – это диалог и желание услышать оппонентов и критиков, причем не только в лагере своих «противников», но и в собственном. Ярким примером такого диалога было выступление сопредседателя партии «Правое дело» Леонида Гозмана на Всемирном Русском народном собрании в присутствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Для православных, которым выход в серьезные СМИ «заказан», я думаю, очень важна информационная открытость и наличие Интернет-пространства для публичного, честного и доверительного обсуждения современных проблем церковной жизни. Вероятно, по замыслу организаторов, такой площадкой может стать сайт «Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви» – церковно-общественного совещательного органа, призванного рассматривать актуальные вопросы церковной жизни и предлагать священноначалию возможные решения этих вопросов.

<http://www.aif.ru/society/article/45162>

Вера Церкви

Христос Яннарас

Продолжение. Начало в №28

Апофатическое познание Догмат и ересь

Итак, путь Богопознания представляет собой образ жизни, а не образ мыслей. С другой стороны, известно, что сама Церковь выработала определенные теоретические положения, или *догматы веры*, как их принято называть сегодня. Не возникает ли здесь противоречия?

Если мы подойдем к этому вопросу с исторической точки зрения, то увидим, что в течение первых трех веков своего существования Церковь не прибегала к теоретическим формулировкам хранимой ею истины, не обладала еще системой определяющих веру догматов. Ранняя Церковь просто жила верой; истина воспринималась и переживалась первыми христианами как нечто очевидное, непосредственно данное и потому не нуждающееся в теоретической обработке. Конечно, уже в первые десятилетия новой эры возник особый язык, способный в терминах и образах выражать церковный опыт, – язык Евангелия, апостольских посланий, текстов, связанных с внутренней жизнью общин. Но в этом языке мы не обнаружим ни теоретических положений, ни умозрительных формулировок. Он просто выявляет и обобщает живой опыт веры.

То, что мы сегодня называем *догматом*, возникает лишь в тот момент, когда истина Церкви подвергается опасности со стороны *ереси*. Слово «ересь» означает выбор, предпочтение какой-либо одной части истины в ущерб целому, в ущерб истине «кафолической». *Ересь* противостоит *кафолическости*. Еретик возводит в абсолют одну из граней цельного опыта Церкви, таким образом неизбежно превращая его в нечто одностороннее и ограниченное. Подобная абсолютизация всегда носит рассудочный характер; она есть результат умозрительного выбора, связанного, как правило, с упрощенным и схематичным восприятием церковной истины. Классические примеры ересей – несторианство и монофизитство. Первое абсолютизирует человеческую природу во Христе, второе – природу Божественную. В обоих случаях подрывается и в конце концов разрушается полнота веры в Божественное воплощение, Богочеловечество Христа. Несторианство сводит ее к провозглашению нравственного идеала совершенного человека, монофизитство – к абстрактной идее невоплощенного Бога.

Церковь отвечает на еретическую

угрозу тем, что устанавливает пределы истины, то есть определяет границы живого религиозного опыта. Знаменательно, что первым наименованием догмата было греческое слово *horos* – предел, граница (лат. *terminus*). Сегодняшние догматы – это «пределы», установленные Вселенскими Соборами; это те отвлеченные положения, в которых Церковь выражает свой опыт веры, указывая границы, отделяющие истину от ее еретических искажений.

Границы опыта

Можно привести наглядный пример того, каким образом опыт выявляет «пределы» истины. Допустим, некто станет утверждать, что материнская любовь выражается в непреклонной суровости к ребенку и ежедневной порке. Если нам довелось в жизни испытать на себе подлинную материнскую любовь, мы немедленно возмутимся против подобной лжи и

смешения материнской любви с тем, чем она не является.

Однако формула не в состоянии подменить собою опыта; она лишь обозначает его границы. Если человек сам не испытал в жизни родительской любви (будучи сиротой или по иным причинам), он в состоянии усвоить ее определение, но так и не узнает, что такое сама любовь. Другими словами, знание определений и формулировок истины не есть знание истины как таковой. Вот почему атеист может очень хорошо изучить догматы Церкви о Троичном Боге, о том, что Христос – совершенный Бог и совершенный человек, но из этого вовсе не следует, что атеист познал заключенную в них реальность.

Апофатизм

Мы подошли к пониманию того пути, которым Церковь ведет нас к познанию истины. Этот путь получил наименование *апофатического*. Апофатизм означает отказ от попыток исчерпать глубины веры логическим путем. Теоретические положения нужны и необходимы, поскольку они определяют истину, то есть устанавливают пределы, границы, за которыми начинаются искажения и подмены. Для членов Церкви «пределы» – догматы представляют собой «константы», не допускающие изменений

либо перетолкований в своих формулировках. Но в то же время определение не исчерпывает и не заменяет непосредственного познания истины, доступного лишь живому опыту и находящего выражение не в умозрительных построениях, но в конкретном образе жизни.

Апофатический подход заставляет христианское богословие использовать не столько язык формальной логики и схематизированных понятий, сколько язык поэзии. Дело в том, что привычный нам логико-понятийный способ выражения рождается в людях обманчивое ощущение полного и прочного обладания знанием, если им удалось уложить в голове соответствующую цепочку рассуждений. Между тем поэзия с помощью образов и символов

всегда указывает на некий смысл, таящийся за прямым значением слов, – смысл, доступный скорее непосредственному опыту жизни, нежели отвлеченному умозрению.

Образно-символический язык

В богословских текстах отцов Церкви часто сопоставляются взаимоисключающие понятия. В этих антитезах понятия отрицают друг друга на уровне значений, чтобы с тем большей полнотой смог выявиться их внутренний смысл, не вмещающийся ни в какие схемы; чтобы весь человек, а не только его рассудок, обрел возможность опытного приобщения к истине. Бог Церкви есть *сверхсущностная Сущность; Божественность, превосходящая Божественное; безымянное имя, безначальное начало; дух, не вмещаемый духом; неизреченное слово; смысл, не выражимый никаким смыслом*. Познание Бога есть *ведение в неведение, непричастная причастность*. Богословие же представляет собой *оформление бесформенного, образ не имеющего образа, представление непредставимого, начало завершенного; оно выражает неподобное подобие, в котором все вещи соединяются воедино*. Истина отождествляется с непосредственным опытом, а богословие – с *видением Бога, этим исполнением неисполнимого*. Богословы, которым даровано видение Бога, «несозерцаемо созерцают невыразимую красоту Божию; они, не прикасаясь, обретают и, не постигая, постигают Его образ, не имеющий образа; Его бесформенную форму и неявленное явление – в Его безвидном облике, в сокровенной красоте, одновременно простой и вечно иной».

Не случайно в неразделенной Церкви первых восьми веков новой эры и в ее историческом продолжении – Восточном Православии – одна из основных функций богослужения – *катехизаторская*, – то есть обучение вере и передача истины верующим. В литургическом цикле, в церковных службах (вечерне, утрене, литургии, Часах) теология становится песней и поэмой; она не столько усваивается чисто интеллектуальным путем, сколько непосредственно переживается. Приобщиться к истине Церкви – значит участвовать в ее образе жизни, в праздничном собрании верующих, в явлении нового человеческого, победившего смерть.

Продолжение в № 30.

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

III. Две родины Церкви

Литература: Шмеман прот. Александр. *Исторический путь Православия. Париж, 1989; Walker W.F. History of the Christian Church. N.Y., 1959; Chadwick H. The Early Church. N.Y., 1967; Meyendorff J. The Orthodox Church. N.Y., 1981.*

1. Апостол Павел пишет: "Когда исполнилась полнота времен, Бог послал Сына Своего единородного" (Гал.4:4).

Полнота времен - очень важный термин. Господь воплотился, когда человечество "созрело" для того, чтобы принять благовест, когда для этого сложились все необходимые условия. Мы поем в рождественской стихире, что Христос родился, когда на всей земле было единое правление Августа:

"Августу единоначальствующу на земли / Многоначалие человеков преста, И Тебе, вочеловечуся от Чистя, / Многобожие идолов упразднися. Под едином царством мирским грады быша, / И во едино владычество Божества языцы вероваша".

Церковь не забыла, что ее начало совпало по времени с решительным моментом мировой истории - завершением создания универсальной по духу и замыслу Римской империи. Никогда ранее (и, кстати, никогда более) эти громадные территории, обнищавшие все, что обычный человек того времени знал о цивилизованной жизни, не находились в сфере единой культуры, единой экумени - вселенной. За ее границами он знал лишь дикие или, в лучшем случае, полудивицизованные племена. Причем римская государственность сложилась не на пустом месте. Благодаря походам Александра Македонского большая часть территорий, вошедших в Римскую империю, уже была объединена единой культурой - культурой эллинизма - и единым международным языком (по крайней мере, для представителей образованного класса) - греческим.

Объединяющим элементом Империи были обязательная для

всех верность единому императору и подчиненная ему единая военная система. Римская армия, хотя и относительно небольшая по сравнению с военными силами современного милитаристского государства, была достаточной для поддержания порядка и сохранения знаменитого римского мира - рах гомана. Благодаря этому миру процветала торговля, прекрасные дороги и безопасные моря весьма облегчали путешествия, а единый международный язык способствовал интеллектуальному обмену. Именно в этой Империи, несмотря на то, что многие ее правители были весьма далеки от идеала, а чиновники - коррумпированы, было обеспечено хоть и грубое, но правосудие, в степени, никогда ранее не виданной в мире. Жители Империи гордились ею и ее достижениями.

Тем не менее при всем имперском единстве и при всем военном контроле Рим никогда не стремился уничтожить местные институты. Во всех локальных делах обитателей провинций предоставлялось самое широкое самоуправление. Все местные религиозные верования, правила и обряды уважались и сохранялись. Народы говорили на своих языках и придерживались своих обычаев. Местным правителям, чьи земли входили в Империю, предоставлялась значительная автономия, как, впрочем, и в империях нового времени (например, правление Британской империи в Индии); зачастую сохранялись местные княжества. Именно таким княжеством в составе Империи была Палестина во времена Христа. Жизнеспособность Римской империи во многом была результатом уважительного отношения к местным правам и верованиям. Это разнообразие Империи, не менее поразительное, чем ее единство, чуть ли не более всего было явлено в области религиозной мысли.

Христианство не явилось в пустой мир: здесь уже были сложившиеся понятия вселенной, религии, греха, наказания, искупления и вознаграждения; христианство должно было принять их во внимание и ответить на них. Церковь не могла возводить свой храм на пустом месте. Концепции, существовавшие в мире до ее появления, она использовала при создании тех форм, в которые она облакала свое Священное Предание.

Во что же верил средний житель Империи? Он верил в существование сверхъестественной силы, или сил невидимых, вечных, намного превосходящих человека по своим возможностям. Эти силы контролировали

человеческую судьбу и были объектами поклонения, совершаемого через молитву, ритуалы и жертвоприношения. Земля была в центре вселенной. Вокруг нее вращались солнце, планеты и звезды. Над вселенной были небеса, а под ней обиталище успешных людей или злых духов. Понятия о некоем всеобщем нравственном императиве не существовало. Всё происходящее в природе виделось результатом деятельности невидимых духов добра и зла, правящих миром абсолютно произвольно. Следовательно, чудеса ощущались не просто как абстрактная возможность - мир был полон чудес и сверхъестественных явлений: высшие силы прибегали к ним всякий раз, когда им нужно было привлечь внимание людей на что-то важное или необычное. В мире существовало бесчисленное количество духов, как праведных и добрых, так и злонамеренных и деструктивных. Духи эти постоянно затрагивали жизнь человека, даже могли вселяться в человека и заставлять его совершать как добрые, так и злые поступки.

Такое мироощущение порождало чувство трагедии, тупика и глубокое недовольство существующими условиями жизни. В самых различных формах религиозной жизни все более выявлялась необходимость найти способ других, лучших отношений с духовным, невидимым миром, проявлялось стремление человека обрести помощь, большую, чем он когда-либо от кого-либо получал.

Не менее существенно и то, что христианство явилось в интеллектуально чрезвычайно развитый мир, в котором постоянно

были далеки от тонкостей любознательности. И всё же влияние философов на формирование интеллектуальной атмосферы эпохи было решающим.

Самые образованные люди Римской империи, воспитанные на платонизме и стоицизме, склонялись к некоему пантеистическому монотеизму, к понятию, что Бог добр (что, естественно, контрастировало с внеморальным характером римских и греческих божеств), и к вере в правящее миром божественное провидение, к мысли, что смысл настоящей религии - не в церемониях, но в подражании нравственным качествам Бога. Последняя предпосылка влекла за собой идею о необходимости более гуманного отношения к людям. Но этой просвещенной философской системе не хватало прежде всего веры в божественное откровение, а следовательно, и в Личностного Бога.

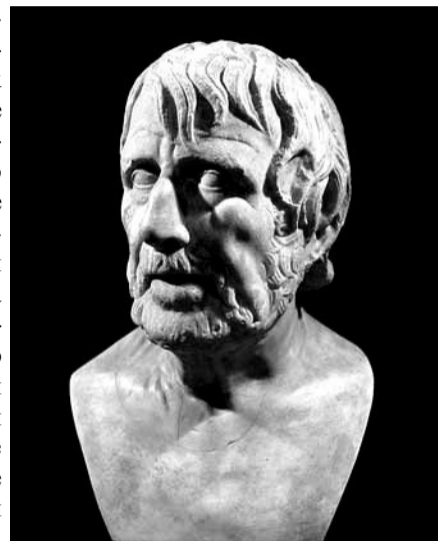
Однако обычный человек был далек от таких просвещенных взглядов. Он по-прежнему исповедовал многобожие - часто в самых грубых формах. Каждый город имел своего бога (или богиню)-покровителя, впрочем, как и каждая профессия, латифундия, родник, дом, каждое событие в жизни человека, брак, деторождение. Профессия гадателя и мага была чрезвычайно прибыльной. И прежде всего люди были убеждены, что сохранение исторического религиозного культа древних богов необходимо для безопасности и сохранности государства - единственного гаранта их благосостояния в таком сложном и непредсказуемом мире. Если культ не будет соблюдаться, боги отомстят и пошлют бедствия. Это убеждение было одной из причин гонений на христианство.

Взгляды простонародья совсем не опровергались высококолобыми интеллигентами, считавшими, что древние религии полезны для поддержания порядка в массах и что государственные церемонии и культы необходимы для простого человека. Скептик Сенека высказал эту мысль весьма прямо, когда заявил, что "мудрец будет соблюдать все религиозные обряды как предписываемые законом, а не как приятные богам".

Ни один из языческих культов не исключал остальных, и единственным ограничением для инициации человека во множество различных религий была финансовая сторона. Убеждение, что различные божества являлись лишь именами того же самого бога либо местными представителями верховного Господа, придавало некое подобие единства языческому разнообразию.

Наиболее способные императоры пытались укрепить и видоизменить древние народные культы. Они пытались придать им характер поклонения государству и его главе. Это патриотиче-

ское обожение римского государства началось еще во времена республики. Культ "Dea Roma" практиковался в Смирне уже в 195 г. до Рождества Христова. Этот культ заметно усилился благодаря популярности Империи в провинциях, которые были довольны повышением уровня

управления при имперских порядках. Уже в 29 г. до Р.Х. в Пергаме существовал храм Рима и Августа. Этот культ, объектом которого был правитель, являющийся воплощением государства, а точнее его "гений", т.е. обитающий в нем дух, стал очень быстро распространяться. Вскоре он обзавелся развитой системой жрецов, существующих на государственных дотации, организованных по территориальному принципу и принимавших самое широкое участие в общественной жизни. Конечно, ранние христиане считали поклонение императору принципиально несовместимым с верностью Христу. Их отношение к этому хорошо выражено в описании Пергама в книге Откровения Иоанна Богослова: "Знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрекся от веры Моёй..." (Откр.2:13). Отказ христиан принести жертву императору выглядел как государственная измена и породил множество мучеников.

Люди нуждались в религии более глубокой, чем философия или внешние обряды. Философия может удовлетворить лишь немногих интеллектуалов. Внешние обряды и церемонии отвечают религиозным запросам большего количества людей, но не тех, которые остро сознают собственное несовершенство и активно пытаются найти смысл жизни.

Состояние мира в тот момент хорошо выражено Гарнаком: "Одна империя, один мировой язык, одна культура, одно общее развитие в сторону монотеизма и одна общая тоска по Спасителю".

Был предпринят ряд попыток возродить древние языческие культы. Многие из ранних императоров активно строили храмы и постоянно жертвовали на них.

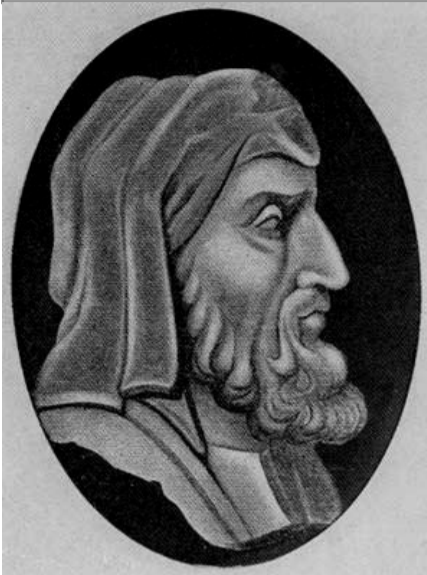
(Продолжение на стр.8)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Начало на стр. 7)

Самая значительная попытка возрождения и очищения древней религии была предпринята Плутархом (ок. 46-120 гг. по Р.Х.). Он подверг резкой критике традиционную мифологию и отверг все, что приписывало богам жестокие или нравственно недостойные действия. Есть лишь один Бог. Все языческие божества - персонификация Его качеств или служебные духи. Плутарх веровал в предсказания, божественный промысел и в будущее воздаяние. Он проповедовал строгую нравственность. Но, увы, его попытка

пробудить лучшие элементы умирающего древнего язычества была искусственным интеллектуальным построением, а следовательно, безнадежным и заведомо проигрышным делом. Она не нашла широкого отклика: у Плутарха не оказалось последователей, помимо разве что узкой группы учеников.

Подавляющее большинство религиозно ищущих людей чаще пытались найти ответы на свои вопросы в восточных религиях. Особенно были популярны религии, обещавшие искупление, религии, обладавшие развитой мистической и сакраментальной системами. Простота

коммуникаций в римском мире и в особенности большое количество восточных рабов на рынках западной части "вселенной" в период поздней республики облегчили процесс распространения восточных религий. И хотя эти религии были независимы от христианства и даже по многим параметрам соперничали с ним в первые три века нашей эры, они весьма углубили религиозные чувства по всей Империи и в этом смысле облегчили конечное торжество христианства.

Продолжение в №30.

Две сохи

Кузнец отремонтировал две сохи. Одну из них на следующий день забрал крестьянин и отвез в поле, вторая осталась стоять в углу сарая. Жизнь второй сохи была легка и беззаботна!

Прошло время, и однажды обе сохи вновь встретились в сарае. Соха, которую не использовали в работе, заржавела, а та, которой вспахивали поле, стала блестящей и красивой.

— Отчего ты стала такой красивой? — с завистью спросила подруга соха из своего угла. Я стала красивой от труда, тебя же изувечило безделье.

Чем им отплатим?

Один человек пришел к старцу и сказал:

- Отче, родители мои все плачутся да бормочут, жить спокойно не дают. Видно, от старости у них ум за разум зашел. Не могу я больше этого выносить! Не отправить ли их в богоугодное заведение?

- Понимаю, трудно тебе, - покачал головой старец, — но подумай, когда ты был в люльке, ведь тоже небось день и ночь хныкал, да и большим умом не отличался. А отец с матерью брали тебя на руки и ласкали нежно, с любовью. Они скорее с жизнью бы расстались, нежели с тобой. И чем же ты теперь хочешь им отплатить?

Тройное сито нашей речи

... Один человек пришел к своему Наставнику и спросил:

- Знаешь ли ты, что сказал сегодня о тебе твой друг?

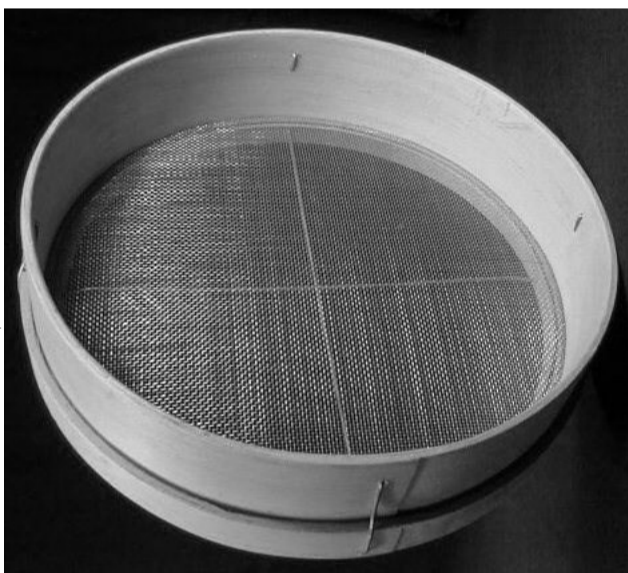
- Подожди, - остановил его Учитель, - просей сначала все, что ты собираешься сказать через три сита.

- Три сита?

Притчи

- Прежде, чем что-нибудь говорить, нужно трижды просеять это.

Во-первых, просеять через сито правды. Ты уве-

рен, что все, что ты хочешь сказать мне, есть правда?

- Да нет, я просто слышал...

- Очень хорошо. Значит, ты не знаешь, правда, это или нет.

Тогда просеем это через второе сито – сито доброты. Ты хочешь сказать о моем друге что-то хорошее?

- Нет, напротив...

- Значит, продолжал Учитель, - ты собираешься сказать о нем что-то плохое, но при этом даже не уверен, что это правда.

Попробуем третье сито – сито пользы. Так ли уж необходимо услышать мне то, что ты хочешь рассказать?

- Нет, в этом нет никакой необходимости...

- Итак, заключил Наставник, - в том, что ты хочешь сказать мне нет ни правды, ни доброты, ни необходимости.

Зачем тогда говорить это?

О наших знаниях

Однажды к старцу пришел его послушник и спросил:

— Отче, объясни мне, почему я, имея такие же глаза как и у тебя, часто не замечаю того, что замечаешь ты.

Старец вышел из комнаты и через какое-то время вернулся, держа в руках древнюю рукопись на незнакомом для послушника языке. Развернув его, он сказал:

— Что ты видишь?

Послушник, не желая выдавать свое незнание, ответил:

— Я вижу многовековую мудрость в этой рукописи. Тогда старец сказал:

— На самом деле перед тобой — записка греческого купца, — а знаю и вижу это потому, что однажды, не побоявшись признаться себе в том, что я толком ничего не знаю, выучил этот язык.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах. Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.

Редактор:

Протоиерей Максим Липунов

Корреспондент: В.И. Шушаков

Выпуск подготовила:

И.Н. Андраханова

Адрес: 654250 Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.

E-mail: lipunov.net@mail.ru

Сайт прихода:

www.kuzedeevhran.prihod.ru

Тираж:

499 экз.